

ДИАЛОГ И ИРОНИЯ (О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РИТОРИКИ И ДРАМАТУРГИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЛАТОНА)

АНОТАЦІЯ

У статті розглядається питання про сутність і призначення діалогу та іронії у творчості Платона. Автор стверджує, що діалог і іронія роблять платонівські твори зразком відкритого тексту, а вся риторика, драматургія і поетика діалогів Платона визначається педагогічною спрямованістю платонівської філософії.

Ключові слова: діалог, іронія, риторика, драматургія, педагогіка.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос о сущности и предназначении диалога и иронии в творчестве Платона. Автор утверждает, что диалог и ирония делают платоновские произведения образцом открытого текста, а вся риторика, драматургия и поэтика диалогов Платона определена педагогической направленностью платоновской философии.

Ключевые слова: диалог, ирония, риторика, драматургия, педагогика.

SUMMARY

The article deals with the question of the nature and purpose of dialogue and irony in the works of Plato. The author argues that dialogue and irony make Plato's works the sample of plaintext, and that rhetorical, poetic and dramatic component of Plato's dialogues defined by pedagogical orientation of Platonic philosophy.

Keywords: dialogue, irony, rhetoric, drama, pedagogy.

Философское учение Платона не перестает быть предметом постоянного интереса исследователей, причем это не только исторический интерес, он проявляется в процессе осмысления актуальных проблем, что объясняется основополагающей ролью платонизма в формировании самых глубоких оснований европейского философствования.

Однако прояснение философской позиции Платона часто сталкивается с трудностью, вызванной тем обстоятельством, что эта позиция крайне трудноуловима в сочинениях платоновского корпуса. Мысли Платона излагаются не в привычной для нас форме трактата или монографии, а в диалогах, где мы не находим изложения некой окончательной системы взглядов или суммы выводов из проведенного исследования. В такой ситуации важно внимание к форме платоновских произведений и средствам выразительности, которыми пользуется Платон.

В нашем исследовании мы обращаемся к проблеме осмысления сущности платонов-

ского диалогизма, который рассматривается в связи с понятием иронии как важнейшего средства выразительности в платоновском творчестве. Решение данной проблемы, по нашему убеждению, следует искать в понимании педагогического предназначения платоновских диалогов, как инструментов воспитания философов. Таким образом, для достижения основной цели исследования, необходимо решить задачи: установить происхождение платоновского диалогизма, определить значение и место иронии в диалогах, разрешить вопрос о соотношении иронии и догматики у Сократа и Платона, прояснить роль иронии в риторике, драматургии и поэтике платоновского диалога.

Исследования платоновских инструментов выразительности стали особенно интенсивными в последние десятилетия, что объясняется все большим распространением т.н. драматического (жанрового) подхода в платоноведении. Из новейших следует отметить работы Р. Блонделл, Ч. Грисволда, Э. Фор-

да, коллективную монографию "Philosophy in dialogue: Plato's many devices" под редакцией Г. Скотта. При этом не теряют своего значения классические работы Г. Властоса, У. Гатри, Т.А. Миллер.

В произведениях Платона мы видим использование богатого арсенала художественных средств, и, безусловно, важнейшим из них является сам жанр диалога, в котором написаны практически все произведения Платона. Использование Платоном формы диалога всегда вызывало вопросы у исследователей: для чего философу требовалась столь непростая и непрямая форма общения с читателем? Для философского произведения эта форма является попросту избыточной (утверждения о том, что художественная форма сообщала, якобы, философии Платона простоту и доступность принимать всерьез, конечно, нельзя).

Необходимо рассмотреть выбор Платона в контексте процессов, происходивших в философии и литературе V – IV вв. до н.э. Конечно, не Платон является изобретателем жанра диалога. Диоген Лаэртский сообщает: «Первым сочинять диалоги стал, говорят, Зенон Элейский; а по Аристотелю – Алексамен Стирийский или Теосский (по свидетельству в «Записках» Фаворина, об этом говорится в I книге «О поэтах»)» [1, с. 149]. До сократиков термин «диалог» (δι̅λογος) уже применялся и в отношении Гиппия, Протагора, Горгия. Ученики Сократа Эсхин, Антисфен, Аристипп внесли серьезный вклад в разработку диалога, как особого жанра, который Аристотель определяет в своей «Поэтике», как «Σωκратικό̅ λ̅ γοι̅». Диалоги Платона явно принадлежат к этому жанру, вместе с такими его особенностями, как широкое использование разнообразных элементов комического, пародии, присутствие в тексте откровенно вымышленных историй и персонажей. В диалогах Платон часто и явно подражает своему учителю, воспроизводя творческую манеру Сократа, причем, более художественно, чем содержательно, систематически. В итоге, тот читатель, который ожидает встретить в тексте диалога изложение собственных взглядов Платона на предмет исследования, сталкивается с серьезными трудностями. В соответствии с «концепцией рупора» возникает предположение, что диалоговая форма необходима Платону для того, чтобы более убедительно

представить свои истинные взгляды на фоне ошибочных мнений. При этом позиция Платона будто бы представлена Сократом, собеседники которого играют в диалоге роль исключительно подчиненную и несамостоятельную. Иными словами, диалогическая форма произведений Платона – это, якобы, только внешняя форма изложения, а весь диалогизм Платона, по сути, фиктивен. Действительно, следует признать, что большая часть реплик собеседников Сократа сводится к выражению согласия с ним («Να̅ », « ληθ̅ ς̅ » и т.п.): Д. Нейлз говорит об этом, что Сократ буквально «вколачивает своих собеседников в роли «да-людей» (they are browbeaten by Socrates into yes-man roles) [2]. Однако речи самого Сократа также крайне редко складываются в последовательное, сообщение – он так же зависим от своих собеседников, как и они от него. Кроме того, если даже предположить, что в начале своей деятельности молодой Платон сохраняет диалоговую форму изложения в память и в подражание своему учителю, то зачем нужна впоследствии, зрелому и самостоятельному мыслителю, такая непростая форма, если она не является необходимой для достижения каких-то существенных для него целей?

Прежде всего, Платон вряд ли намеревался использовать диалог в качестве формы письменной речи: скептическое и даже негативное отношение к письму Платон недвусмысленно высказал в «Федре» и Седьмом письме. Скорее диалогизм Платона оказался перенесен в его письменные тексты из устной речи, для которой он органичен. Поэтому диалоги Платона не столько написаны, сколько записаны – и не только как пересказы бесед с Сократом, но и как учебные занятия в Академии. Хотя у нас крайне мало сведений о том, как именно строилось обучение в Академии, большинство этих сведений заставляет нас думать, что основной формой обучения были упражнения и дискуссии. В таком случае, платоновский диалог есть не что иное, как сценарий или партитура, которые устанавливают некое общее поле, тематику и правила мышления, но не определяют результаты этого мышления. Известная особенность платоновского диалога – его незавершенность, почти всегда диалоги заканчиваются, по словам А.Ф. Лосева, ничем. И это делает платоновские произведения образцом «открытого текста» в духе У. Эко. Каждое новое

прочтение способно привести к кардинальным результатам даже для одного и того же читателя. Этой же задаче «размыкания» текста служит и анонимность Платона, который никогда не присутствует среди участников диалога. Тем самым из диалога устраняется фигура носителя безусловного и авторитетного знания, что вполне соответствует майевтической функции диалогов.

Вместе с тем платоновский диалог принципиально несводим просто к сократической эристике, в нем присутствуют достаточно сильные аргументативные структуры, хотя они и хорошо скрыты. Как описывает платоновский текст Л. Вилкинсон, «это должен был быть определенный диалог, об определенных объектах и внутри определенной структуры. Знание о высших материях должно было передаваться в диалоге, имеющем сходство с диалектикой, и эта диалектика должна была быть связана с «высшими материями», такими как идеи, первые принципы или истина» [3, с. 11].

Важнейшим элементом платоновского диалогизма является ирония. Понятие иронии, начиная с романтиков, остается темой, вызывающей постоянный интерес философов. Перечень имен авторов мировой величины только последних двух веков, оставивших рассуждения о сократовой иронии, впечатляет: Гегель и Кьеркегор, Ницше и Новалис, Томсон и Янкелевич, Фуко, Делез и Рорти. Феномен иронии стал самостоятельным предметом философской литературы, далеко уже отошедшей от задач чисто исторического (историко-философского) исследования. Содержание понятия иронии обогатилось множеством таких смыслов, которые вряд ли можно было предполагать в этом понятии до наступления постмодерна. «Иронизирующий не есть ни тот ни другой, он даже теперь, Nunc, никогда не есть, а точнее, он никогда не есть, но будет или был. В прошедшем он живет сожалением, в будущем – надеждой. Он пассеист или футурист, но никогда не презентист» (В. Янкелевич [4, с. 113]; «странник – ироник» (Ю. Кристева; «иронический субъект – фланер, наблюдатель» (М. Фуко); «ироник – странный, чужой» (Р. Рорти); «ироник – сатир и бог» (С. Кьеркегор). Таким образом, иронию постигла судьба многих других греческих понятий: она, по словам А.Ф. Лосева, «разделяет судьбу очень многих эстетических явлений античности, продолжая

быть словом с весьма произвольным значением и толкованием» [5, с. 84].

При этом из-за постоянного употребления рядом с именем Сократа, ирония по преимуществу с ним и ассоциируется: Янкелевич прямо называет Сократа «отцом ироников», так что складывается обманчивое впечатление того, что ирония есть отличительный признак философствования Сократа и, возможно, даже его личное изобретение. Иногда в литературе можно встретить противопоставление «Сократа-ироника» «Платону-догматику». Такое ошибочное утверждение встречается у самых различных авторов. Если у В.С. Соловьева это противопоставление вписано в контекст его концепции «жизненной драмы Платона», у К.Р. Поппера – в его скандальный тезис о том, что на самом деле Платон никогда не был идейным наследником Сократа, то у современных авторов это часто бывает результатом просто некритичного отношения к предмету. Сократ объявляется изобретателем иронии, во всяком случае, иронии как «особого философского метода» (см., например, в работе О.В. Мальцевой «Метаморфозы философской иронии: от Сократа к постмодерну» [6, с. 170 – 171]). Между тем, нет никаких оснований говорить об иронии Сократа как особом, уникальном методе. Безусловно, Сократ – ярко выраженный ироник, таким он и представлен в большинстве источников. Но в своей ироничности Сократ вовсе не одинок. Общая критичная позиция по отношению к собеседникам и их утверждениям широко использовалась уже софистами; уклончивость, двусмысленность и насмешка характеризуют всякое вообще применение иронии как риторической фигуры и литературного приема – и здесь Сократ также не является монополистом. Что же касается выдуманного «Платона-догматика», то в отношении использования иронии Платон всегда оставался верным последователем своего учителя, так что даже в «Законах» можно найти элементы иронии (как, например, знаменитый пассаж о людях-куклах в руках богов [Leg., 644.d – 645.d] – блестящий пример иронии Платона в этом довольно унылом по тону произведении). Более того, мы настаиваем, что ирония является важнейшим элементом платоновской диалоговой драматургии. И не следует забывать, что у нас нет другого материала для детального рассмотрения иронии

Сократа, кроме диалогов Платона (Ксенофонт, к примеру, в своих сократических сочинениях ни разу не упоминает ни о какой иронии), так что, говоря о сократовской иронии, мы всегда говорим о тех формах речевого поведения, которые заданы ему Платоном как автором.

Исследование иронии показывает, что этот прием может быть обнаружен уже в гомеровских поэмах, хотя самого термина $\epsilon\rho\omega\nu\epsilon$ α мы не встречаем в греческой прозе до Платона, а в поэзии – до Аристофана. Впрочем, повсеместно, что естественно, встречается глагол $\epsilon\rho\omega$ (говорить), от которого, скорее всего, и происходит $\epsilon\rho\omega\nu\epsilon$ α . Использование этого слова Аристофаном, несомненно, связано с его оппозицией вредным нововведениям многословных и хитроумных софистов. У Аристофана ирония выступает в качестве понятия с резко отрицательными коннотациями. Ироники – софисты, которые не говорят прямо, а только уклончиво. Значит, ирония – это своего рода изощренная ложь. В «Осах» сын Филоклеона, обманом продающего осла, говорит о том, что «ловко он придумал, как затейливо» [8, с. 235] – «ο αυ πρ φασιν καθ κεν, ς $\epsilon\rho\omega\nu\iota\kappa$ ς » Соответственно, как говорится в реплике Стрепсиада в «Облаках», $\epsilon\rho\omega\nu$ – лгун: «А потом пусть народ называет меня <...> лгуном, <...> плутом» [там же, с. 170].

В таком же отрицательном смысле чаще всего использует данный термин и Платон, применяя его к прорицателям, поэтам и софистам. Показательно, что ни разу в диалогах слово «ирония» или «иронический» не используется для самохарактеристики Сократа – так о нем всегда говорят другие персонажи. Для одних (Фрасимах в «Государстве») это явно отрицательное определение и связывают его обычно с нежеланием Сократа, отказавшись от вопросов, давать собственные ответы. Для других (Алкивиад в «Пире») ироничность Сократа явно положительное качество, добровольное самоумаление, которое открывает его собеседникам возможность почувствовать себя мудрыми и самостоятельными. В обоих вариантах используемая Платоном ирония заключает в себе два смысла: насмешка и введение в заблуждение. Это касается и отдельных реплик, когда, например, Сократ восхваляет мудрость Гиппия или говорит о своей дружбе с Протагором и Горгием. Это относится и к характеристике, которую Пла-

тон дает софистам Евтидему и Дионисодору в «Евтидеме»: «многоборцы» (παυκρατιαστα) и старцы (γ ρωτε). Такая похвала оборачивается насмешкой над неразборчивостью и молодостью братьев. Ирония Платона проявляется и в построении сюжета таким образом, чтобы поставить персонажей в смешное и затруднительное положение. Ничего удивительного нет, когда в таком положении оказываются собеседники Сократа, но Платон часто строит сюжет так, что ирония обращается и на Сократа. Так происходит в большинстве эленктических диалогов, которые заканчиваются видимой неудачей, и Сократ, который вел за собой собеседников, оказывается в еще более неловком положении, чем те, кто его слушал. Так, он просто умоляет спешащего уйти Евтифрона в одноименном диалоге, чтобы тот объяснил ему, что такое благочестие: «Что ж это ты делаешь, друг мой! Уходишь, лишая меня великой надежды узнать от тебя о благочестивом и нечестивом и избежать Мелетова иска, доказав ему, что я стал мудрым в божественных вопросах благодаря Евтифрону и никогда уже не буду заниматься невежественной болтовней и вводить в этом деле различные новшества, но впредь стану жить самой достойной жизнью» [Euthph., 16]. «Демодок», в котором Сократу даже не мешают непонятливые собеседники, заканчивается тем, что он запутывается сам: «Когда они таким образом говорили, я недоумевал, кому же все-таки следует верить и кому нет и надо ли верить людям, заслуживающим доверия и знающим то, о чем они говорят, или же знакомым и близким?» [Dem., 386.c]. У Платона можно встретить случаи «двойной иронии», когда он, чтобы подчеркнуть ничем не оправданное самомнение персонажей, заставляет их самих занять позицию ироника, которая впоследствии развенчивается: «Выдержав с весьма ироническим видом паузу, как если бы он обдумывал нечто значительное, Дионисодор спросил: Скажи мне, Сократ, есть ли у тебя родовой Зевс» [Euthd. 302.b]. Выступление Фрасимаха в первой книге «Государства», с его позицией нескрываемого превосходства и видимой снисходительности («Сократ, величайший ты простак...») вместе с последующей дискуссией [Resp., 336.c – 347.e], можно расценить, как пример такой двойной иронии.

Иногда Платон обходится одним только

упоминанием об иронических высказываниях и иных персонажей (Теэтет в одноименном диалоге о Феодоре). Иногда Платон буквально воспроизводит их, как, например, в «Соперниках», где заносчивый мальчик, получив вопрос Сократа о том, считает ли он любовь к телесным упражнениям не только прекрасным, но и благим делом. «ответил весьма насмешливо и двусмысленно (δ κα μ λα ε ρωικ ς ε τε δ ο): Для моего соперника пусть будет сказано, что я не считаю любовь к гимнастике ни тем, ни другим; с тобой же, Сократ, я согласен, что она и хороша и прекрасна. И я полагаю, что это верно» [Amat., 133.d.8]. В связи с вышесказанным, нам представляется, что довольно широко распространенная точка зрения, согласно которой иронические высказывания в платоновских диалогах дозволены только Сократу, – ошибочна, так же, как и утверждение об историческом Сократе-изобретателе иронии.

Чаще всего использованная Платоном ирония является «многослойной», как, например, в рамочной части «Гиппия Меньшего» [HrMa., 281 – 283], где и Гиппий старается быть ироничным по отношению к Сократу, когда свысока похвывается заработанными деньгами, что косвенно должно свидетельствовать о его мудрости, и Сократ ироничен, восхваляя «славного и мудрого Гиппия», в сравнении с которым легендарный мудрец Биант вызвал бы смех. Ироничен и автор диалога, когда старательно воспроизводит реплики персонажей как будто вовсе не относящиеся к основной теме диалога, определению прекрасного. Платон предоставляет читателю самому определить свое отношение к ироничности Гиппия, ироничности Сократа в отношении высказываний Гиппия и, главное, – в отношении рассказа самого Платона. Платон никогда не предупреждает о том, серьезен ли он, или следует рассматривать написанное им, как иронию: это вызывает серьезные трудности в интерпретации и общей оценке даже таких, казалось бы, систематичных диалогов как «Государство». В итоге, констатирует Э.Тигерстедт, «мы редко можем быть вполне уверены, что Платон не говорит иронически» [9, с. 22].

Трудности в понимании платоновской иронии воспринимаются интерпретаторами Платона чаще всего как затруднение, которое необходимо преодолеть для того, чтобы

вскрыть истинный смысл мысли Платона, скрываемый иносказанием. Так, Пауль Фридендер начинает раздел об иронии в первом томе своего «Платона» цитатой из Гете: «Тот, кто объяснит нам, когда люди, подобные Платону, говорят всерьез, когда – шутя или полшутя, что они пишут из убеждения и что только ради аргумента, действительно окажет нам чрезвычайную услугу и внесет большой вклад в наше просвещение» и уже от своего имени продолжает: «Эти слова Гете не следует воспринимать слишком серьезно даже в качестве идеального постулата. И все же, совершенно определенно, никто не может подойти к Платону без понимания того, что такое ирония, и что она значит в его произведениях» [10, с. 137]. Сам Фридендер склоняется к мысли о том, что ирония Платона не сводится к простому выбору между открытым и скрытым смыслом, «обмену между Да и Нет», в ней соединены притягивание и отталкивание, «ирония имеет полифоническую структуру» [10, с. 144].

Ирония Платона не может быть понята без учета прагматики платоновского текста. П. Фридендер совершенно прав, говоря, что ирония в платоновских диалогах создает полифоничность, множественность равноправных вариантов понимания. В иносказании «ино» так же значимо, как и «сказание», а косвенная форма выражения не является у Платона простой маскировкой для единственного правильного смысла, понимание сказанного Платоном иронически в не-ироническом смысле создает совершенно новую версию диалога (как это было, например, с штрауссианской интерпретацией «Государства».).

Выводом из изложенного является ответ на вопрос о том, для чего Платону необходима эта множественность вариантов понимания. По нашему мнению, эта вариативность обусловлена потребностями воспитательного воздействия учителя на ученика: диалог направлен на то, чтобы провести ученика через упражнение, в котором оговорены основные условия, но результат, как и способ его достижения, зависит от самого ученика, слушателя и читателя. Диалог является образовательным инструментом, посредством которого формулируется задача, ответ которой неизвестен, более того, неизвестно, сколько у нее правильных ответов и есть ли у нее решение

вообще. Ирония же выступает в качестве своеобразной провокации к самостоятельному мышлению и тем самым оправдывает одно из своих маргинальных значений – «повод» (pretext) [11, с. 491].

ЛИТЕРАТУРА

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Диоген Лаэртский; [ред. тома и авт. вступ. статьи А.Ф.Лосев; Перевод М.Л. Гаспарова]. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.

2. Nails D. Plato's Antipatrideia: Perplexity for the Guided; [Электронный ресурс] / D.Nails // The Proceedings of the Twentieth World Congress of Philosophy. – Режим доступа: <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Anci/AnciNail.htm>

3. Wilkinson L.A. Parmenides and To Eon. Reconsidering Muthos and Logos / Wilkinson L.A. – London, NY.: Continuum, 2009 – 156 p.

4. Янкелевич В. Ирония. Прощение / В.Янкелевич; [Пер. с фр., послесл. В.В. Большакова]. – М.: Республика, 2004. – 335 с. – (Б-ка этической мысли).

5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: ООО

«Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. – 846 с.

6. Мальцева О.В. Метаморфозы философской иронии: от Сократа к постмодерну / О.В. Мальцева // Наука. Релігія. Суспільство. – 2010. – № 1. – С. 169 – 185.

7. Платон. Сочинения: в 4 т. / Платон; [Под общей редакцией А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Перевод с древнегреч.]. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Издательство Олега Абышко, 2006 – 2007.

8. Аристофан. Комедии; Фрагменты. / Аристофан; [пер. Адр. Пиотровского; Изд. подгот. В. Н. Ярхо]. — М.: Ладомир, Наука, 2008. – 1033 с. – (Литературные памятники).

9. Tigerstedt E. N. Interpreting Plato / E.N. Tigerstedt. – Uppsala: Almquist & Wiksell International, 1977 – 157 p.

10. Friedlander P. Plato / P. Friedlander; [Translated from the German by Hans Meyerhoff] // P. Friedlander. Plato: Vol. 1 – 3. – New-York: Pantheon Books, 1958. – . 1969. – Vol.1. – 1958. – 422 p.

11. A Greek-English Lexicon [by H.G. Liddell and R. Scott, rev. by St. Jones]. – New York: Oxford University Press Inc. 1996. – 2042 p.

